

ющими должностью следователей”, при которой существенное... влияние на назначение к исправлению должности, на устранение от нее (отозвание) и “причисление к департаменту” получил прокурорский надзор». См.: Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. Киев, 2003. С. 73.

¹⁰ См.: Случевский Вл. Указ. соч. С. 239, 242.

¹¹ Там же. С. 242, 311, 315; Духовский. М.В. Указ. соч. С. 272, 276.

¹² Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 387.

¹³ Случевский Вл. Указ. соч. С. 515.

¹⁴ Духовский М.В. Указ. соч. С. 268.

¹⁵ Случевский Вл. Указ. соч. С. 240.

¹⁶ Даневский В.П. Указ. соч. С.23.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Случевский Вл. Указ. соч. С. 520

¹⁹ Там же. С. 521, 522.

²⁰ Обстоятельный анализ недостатков предварительного следствия, их причин и направлений его возможного реформирования находим в упомянутой ранее работе В.П. Даневского «Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа» (Киев, 2003). Об этом же: М.В. Духовский. Указ. соч. С. 100–104.

²¹ Кондаков Н.И. Косвенное доказательство (непрямое доказательство): логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 267, 268.

²² См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: ВНИ МООПРФ. 1967. С. 128–133.

*В.А. Лазарева**

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ НОВОГО ЗАКОНА ОБ АПЕЛЛЯЦИИ, КАССАЦИИ, НАДЗОРЕ

К сожалению, качество принимаемых Государственной Думой законов, даже необходимых, что называется, назревших, уже и не притча во языцех, а нечто само собой разумеющееся, даже неизбежное. Это плохо. Неудачные, а иногда и откровенно неграмотные формулировки не только вызывают раздражение по причине очевидного невнимания авторов законопроекта и голосующих за его принятие депутатов к форме выражения правовых требований

* © Лазарева В.А., 2012

Лазарева Валентина Александровна — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

и предписаний (это умаляющее авторитет законодательной власти явление еще можно пережить), но затрудняют понимание действительной воли «законодателя», а следовательно, способны вызвать ненужные вопросы и новые проблемы в правоприменительной практике. Между тем новая концепция института пересмотра судебных решений по уголовным делам представляется нам вполне разумной.

Тотальная апелляция

Разумеется, более всего вопросов вызывает апелляция как основная форма исправления ошибок, допущенных судами первой инстанции. Апелляция должна удовлетворить мировое сообщество, так как обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство в двух судебных инстанциях по всем уголовным делам. Вполне возможно, «странность» УПК РФ, дающего сегодня такое право только лицам, обвиняемым в самых незначительных преступлениях, подсудных мировым судьям, объясняется «экспериментальностью» этого института. Если так, то введением тотальной апелляции мы, очевидно, обязаны успешному опыту пересмотра судебных решений мировых судей. Можно было поэтому ожидать, что апробированные правовые нормы, хорошо себя зарекомендовавшие на практике, будут использованы разработчиками нового закона в максимальной степени. Однако авторам нового закона это не вполне удалось.

Статус прокурора

Согласно ст. 389.12 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции обязательно участие:

- 1) государственного обвинителя и (или) прокурора, за исключением уголовных дел частного обвинения (кроме случаев, когда уголовное дело было возбуждено следователем или дознавателем с согласия прокурора);
- 2) оправданного, осужденного или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, — в случаях, если данное лицо ходатайствует о своем участии в судебном заседании или суд признает участие данного лица в судебном заседании необходимым;
- 3) частного обвинителя либо его законного представителя или представителя — в случае, если ими подана апелляционная жалоба;
- 4) защитника — в случаях, указанных в ст. 51 УПК.

Неявка лиц, своевременно извещенных о месте, дате и времени заседания суда апелляционной инстанции, за исключением лиц, участие которых в судебном заседании обязательно, не препятствует рассмотрению уголовного дела (ч. 3).

В случае неявки в суд без уважительной причины частного обвинителя, его законного представителя или представителя, подавших апелляционную жалобу, суд апелляционной инстанции прекращает апелляционное производство по его жалобе (ч. 4).

Предвидим, что применение этой статьи неизбежно столкнется с проблемой. В ситуациях, когда речь идет об обязательных участниках судебного разбирательства, альтернатива — союз «или» позволяет одному из них не участвовать — недопустима. Возникают вопросы: в каких случаях обязательно одновременное участие государственного обвинителя и прокурора, а в каких достаточно одного из них; чье участие в апелляционном судопроизводстве необязательно и чье отсутствие влечет откладывание судебного заседания?

В связи с этим не может не возникнуть вопрос о статусе прокурора, который участвует в заседании суда апелляционной инстанции вместо государственного обвинителя или вместе с ним. Наименование «прокурор» вызывает мысль, что это должностное лицо органа прокуратуры с каким-то иным, возможно более высоким, процессуальным статусом, чем тот, что принадлежит государственному обвинителю, хотя абсурдность этого предположения очевидна. Какое бы должностное лицо органа прокуратуры ни пришло в заседание суда апелляционной инстанции, его функция заключается в поддержании государственного обвинения, а полномочия определены ст. 246 УПК, на что прямо указывает ч. 1 ст. 389.13: «Производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном главами 35–39 настоящего Кодекса с изъятиями, предусмотренными настоящей главой».

Представляется очевидным, что под прокурором имеется в виду вышестоящий прокурор, который в соответствии со ст. 389.1 вправе обжаловать незаконный и/или необоснованный приговор или иное судебное решение, если этого по тем или иным причинам не сделал государственный обвинитель, а также в случае несогласия с мотивами апелляционного представления последнего. УПК РФ допускает возможность осуществления обвинительной деятельности в суде группой государственных обвинителей, но не допускает и не может допустить самостоятельной обвинительной деятельности каждого из представителей государственного обвинения. Это не нуждается в обосновании. Поэтому, если вышестоящий прокурор не согласен с позицией гособвинителя, он вправе заменить его на любом этапе, обжаловать судебное решение и в этом случае либо лично поддерживать обвинение в суде апелляционной ин-

станции, либо поручить это подчиненному ему должностному лицу. В любом случае выбор должностного лица для участия в качестве государственного обвинителя в судебном заседании — исключительная прерогатива прокурора соответствующего уровня.

В связи со сказанным нельзя не отметить, что в действующей редакции закона этот вопрос решен более удачно. Согласно п. 1 ч. 3 ст. 364 УПК РФ, в заседании суда апелляционной инстанции обязательно участие государственного обвинителя. Между тем право апелляционного обжалования и сейчас принадлежит, как в анализируемой новелле, не только тому прокурору, который поддерживал государственное обвинение в суде первой инстанции, но и вышестоящему прокурору (ч. 4 ст. 354). Термин «государственный обвинитель» в полном соответствии с толкованием, данным в ст. 5 УПК РФ, означает любого прокурора (должностное лицо органа прокуратуры), которому поручено поддержание государственного обвинения по конкретному уголовному делу.

Участие защитника

Правовое регулирование участия защитника в ст. 389.12 сохранено в прежнем виде. Это означает, что участие защитника при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции является обязательным во всех перечисленных в ст. 51 УПК РФ случаях, что абсолютно правильно, поскольку речь идет о повторном рассмотрении уголовного дела по существу с возможностью пересмотра судебного решения в сторону ухудшения положением осужденного, оправданного, лица, уголовное преследование которого было прекращено. Однако, сохраняя такое правовое регулирование, законодатель не учел произведенных им изменений в решении вопроса об участии в судебном заседании осужденного *ets.*

В отличие от прежней редакции, содержащейся в п. 3 ч. 3 ст. 364 (в заседании суда апелляционной инстанции обязательно участие «подсудимого или осужденного, который подал жалобу или в защиту интересов которого поданы жалоба или представление, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 247 настоящего кодекса»), новая формула считает обязательным участие оправданного, осужденного или лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, только «в случаях, если данное лицо ходатайствует о своем участии в судебном заседании или суд признает участие данного лица в судебном заседании необходимым». Возникает вопрос: действительно ли законодатель имеет в виду обязательность участия в судебном заседании защитника отсутствующего по указанным выше причинам лица?

Такое правило действующий закон предусматривает для тех ситуаций, когда суд вынужден рассматривать уголовное дело заочно — обвиняемый в тяжком или особо тяжком преступлении находится за пределами РФ и уклоняется от явки в суд (ч. 5 ст. 247). Интересы такого лица в судебном заседании представляет приглашенный им или назначенный судом защитник (ч. 6 ст. 247). Однако обвиняемый в менее тяжком, чем сказано выше, преступлении, заявивший ходатайство о рассмотрении уголовного дела в свое отсутствие, такой гарантией не обеспечивается. Логика проста: если лицо в состоянии принять решение о своем участии (неучастии) в судебном заседании, оно в состоянии подумать и о других способах защиты свои интересов. Поэтому, исключая ситуацию, предусмотренную ч. 5 ст. 247 УПК РФ, решение вопроса об участии защитника, в том числе в апелляционном производстве, следует решению об участии в судебном заседании самого подзащитного.

Обязательное участие защитника во всех случаях, указанных в ст. 51 УПК РФ, выглядит нелогичным и необоснованным, оно противоречит роли защитника как выразителя интересов лица, в отношении которого ведется уголовное преследование. В тех случаях, когда осужденный, оправданный или лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование, не заявил(о) о своем желании принять участие в рассмотрении апелляционной жалобы или представления, участие защитника может быть обязательным только по воле этого лица, а также в случае, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК — по воле суда. Но нет никакой логики в том, чтобы, не считая обязательным участие самого обвиняемого, требовать обязательного участия не уполномоченного им защитника.

Можно ожидать, что такое правовое регулирование окажется нежизнеспособным. При неявке защитника (а он не явится, коль скоро его никто не уполномочивал участвовать в судебном заседании) суд должен будет принимать меры к его замене, а при невозможности замены откладывать судебное заседание, при этом даже не имея возможности выяснить мнение осужденного (оправданного) лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. Насколько эффективна и кому нужна такая защита — вопрос исключительно риторический.

Право обвиняемого на участие в судебном заседании

Посмотрим, как регулируется в главе 45.1 участие в апелляционном производстве самого заинтересованного лица — осужденного, оправданного. Конечно, старая формулировка п. 3 ч. 3

ст. 264 (в судебном заседании обязательно участие подсудимого или осужденного, который подал жалобу или в защиту интересов которого поданы жалоба или представление, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 п. 4 ст. 247) совершенством тоже не отличается. Она позволяет поставить под сомнение обеспеченность интересов оправданного и осужденного, против которых поданы жалоба или представление. Хотя таким лицам гораздо важнее лично предстать перед апелляционным судом и изложить ему свои возражения против доводов жалобы или представления, учитывая возможность ухудшения их положения, в числе обязательных участников судебного разбирательства — они в рассматриваемой норме не названы. Не сразу и догадаешься, что подсудимым законодатель, возможно, называет именно оправданного, а может быть, и лицо, в отношении которого прекращено уголовное дело, на виновности которых настаивает обвинитель, а также осужденного, против интересов которого поданы жалоба или представление. Включив логику, можно заключить, что подсудимый — это то лицо, в отношении которого суд апелляционной инстанции может постановить приговор, но, честно говоря, привычки к таким непростым логическим умозаключениям, к которым побуждает законодатель, у усредненного, массового правоприменителя не наблюдается.

Обратим внимание и на то, что нормы новой главы 45.1 не называют ни оправданного, ни осужденного подсудимым, поэтому приписанные авторам УПК мысли, скорее всего, и не приходили им в голову.

Предусмотренная законом № 433-ФЗ замена кассации апелляцией, т. е. полным пересмотром уголовного дела по существу, а также повторным рассмотрением множества промежуточных вопросов, потребует значительно больших затрат сил, времени и средств, однако если исключить участие в судебном заседании осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование, то апелляционное производство можно значительно упростить, а значит, удешевить и ускорить. Правда, при этом апелляция из способа восстановления нарушенной справедливости грозит превратиться в узаконенное беззаконие: суд апелляционной инстанции сможет временно отстранить от должности, заключить под стражу, поместить в психиатрический или медицинский стационар для производства экспертизы и даже признать виновным лицо, отсутствующее в судебном заседании. В наших условиях оговорка в виде права суда признать участие обвиняемого (нами взят самый общий термин) обязательным,

а также права самого обвиняемого заявить о своем желании участвовать в рассмотрении дела апелляционным судом не может считаться достаточной гарантией права на справедливое судебное разбирательство.

Вопрос об участии обвиняемого (подсудимого) в рассмотрении его уголовного дела не может зависеть от усмотрения суда. Рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого, если оно завершится благоприятным для него судебным решением, вряд ли будет им обжаловаться. Поэтому, если суд усматривает необходимость обеспечить участие обвиняемого, не заявившего о своем желании, в этом легко обнаруживается сформировавшееся до начала судебного разбирательства убеждение в наличии оснований для решения в неблагоприятную для обвиняемого сторону.

Классическое апелляционное производство, как ни крути, — это рассмотрение уголовного дела по существу его основного вопроса. Поэтому участие подсудимого в рассмотрении касающегося его уголовного дела является обязательным, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 247.

Обратим внимание на формулировку рассматриваемой правовой нормы: «Если осужденный заявляет ходатайство об участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции, об этом указывается в его апелляционной жалобе или в возражениях на жалобы, представления, принесенные другими участниками уголовного процесса». Об аналогичном праве оправданного и лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено, в этой статье, регулирующей содержание апелляционных жалобы, представления, нет ни слова, что ставит под сомнение существование этого права. Нет также ясности в вопросе о том, каким образом лицо, почему-либо не сумевшее или не захотевшее принести возражения на поданные другими участниками жалобы и представления, может заявить о своем желании принять участие в заседании суда. Изложенное в этой норме буквально означает, что если, например, оправданный, удовлетворенный судебным решением, не подал возражения на жалобу или представление стороны обвинения, то никаким иным образом заявить о желании принять участие в судебном заседании по рассмотрению апелляции он уже не может. Следовательно, отказ от использования права подать жалобу или возражения на жалобу другого субъекта законодатель толкует расширительно, как отказ и от права на участие в судебном заседании, а это уже произвол. Даже встав на путь такого (заявительного) регулирования этого вопроса, законодатель

не должен ограничивать способы волеизъявления для осужденного, оправданного и лица, в отношении которого уголовное дело прекращено.

Суть, однако, не в этом. Вопрос участия обвиняемого в апелляционном производстве не может регулироваться по аналогии с кассационным. Кассационный порядок производства не угрожает обвиняемому (осужденному, оправданному *ets.*) новым приговором. Вопрос участия обвиняемого в апелляционном производстве может регулироваться только по аналогии с производством в суде первой инстанции. Иными словами, *право обвиняемого на участие в рассмотрении своего уголовного дела судом апелляционной инстанции должно обеспечиваться по умолчанию*, т. е., если он не заявил ходатайства о рассмотрении дела в свое отсутствие (а не наоборот), его участие в судебном заседании должно рассматриваться как обязательное. Старая норма в этом отношении более предпочтительна.

Применение п. 2 ч. 1 ст. 389.12 в соответствии с его буквой повлечет значительное количество кассационных жалоб в связи с нарушением права обвиняемого (осужденного, оправданного *ets.*) на справедливое судебное разбирательство, вытекающее из духа закона.

Какие решения принимает суд апелляционной инстанции?

Расширенный перечень видов решений, принимаемых судом апелляционной инстанции, не является, на наш взгляд, полным.

Судя по ст. 389.20, при отмене оправдательного приговора возможно вынесение оправдательного приговора (п. 5 ч. 1), возвращение дела прокурору (п. 7); прекращение уголовного дела (п. 8), но суд не может постановить, как сейчас, обвинительный приговор.

К такому же выводу ведет содержание ст. 389.24, устанавливающей специальное условие отмены или изменения приговора, иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. Часть 2 этой статьи предусматривает отмену оправдательного приговора с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, но не упоминает о возможности при том же условии (не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей на незаконность и необоснованность оправдания подсудимого) отменить оправдательный приговор и постановить обвинительный. Предположение о том, что для такого ре-

шения не требуется указанного в статье специального условия, лишено всякого основания.

В то же время ст. 389.31 и 389.32, регламентирующие содержание описательно-мотивировочной и резолютивной частей обвинительного приговора, говорят иное. Пункт 2 ст. 389.32 применительно к резолютивной части упоминает решение «об отмене оправдательного приговора суда первой инстанции и о вынесении обвинительного приговора», а ст. 389.31 гласит, что в описательно-мотивировочной части **обвинительного апелляционного приговора** излагаются:

«1) существо предъявленного обвинения или описание преступного деяния, признанного доказанным, которые изложены в приговоре суда первой инстанции, либо установленные **обстоятельства, которые явились основанием для постановления оправдательного приговора** или вынесения определения, постановления суда первой инстанции...

3) мотивы, по которым суд апелляционной инстанции отверг доказательства, представленные сторонами, или которые приведены в обвинительном или **оправдательном приговоре**, определении, постановлении суда первой инстанции».

Какими нормами из названных должен будет руководствоваться апелляционный суд?

Неграмотные формулировки

Неграмотность формулировки ст. 38 уже в ее названии — «**Отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено**». Эта формула позволяет думать, что предусмотренное в статье специальное условие (инициатива обвинителя) требуется только для отмены, но не для изменения приговора по мотивам, ухудшающим положение осужденного *ets.*, что противоречит содержанию ч. 1 этой статьи и вновь вызывает ненужные вопросы.

Почему-то в ч. 1 ст. 389.24 отсутствует указание на то, что представление прокурора либо жалоба потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей обуславливает изменение обвинительного приговора, определения, постановления суда первой инстанции в сторону ухудшения положения осужденного, только если они поданы по соответствующим основаниям. Этот недостаток присущ и действующей части 2 ст. 369, однако вряд ли следовало переносить в новый закон явно дефектную норму, которая при буквальном истолковании может

оправдать поворот к худшему по представлению прокурора, по данному по основанию неоправданной тяжести квалификации или суровости наказания.

Очередная непонятная формулировка обнаруживается в ч. 4 ст. 389.28: «В апелляционных приговоре, определении, постановлении указываются основания, по которым приговор признается законным, обоснованным и справедливым, иное судебное решение суда первой инстанции — законным и обоснованным, а жалоба или представление — не подлежащими удовлетворению, либо основания полной или частичной отмены или изменения обжалованного судебного решения». Апелляционный приговор, согласно положениям ст. 389.20, постановляется в случаях, предусмотренных пунктами 2, 3, 5 ч. 1 этой статьи, т. е. при отмене приговора именно как незаконного, необоснованного или несправедливого (ст. 389.15).

Кассация и надзор — звенья одной цепи

Объединим две формы пересмотра приговора, поскольку никаких различий между ними не обнаруживается. Анализ гл. 47.1, 48.1 УПК РФ позволяет выдвинуть предположение, что законодатель рассматривает кассацию и надзор как звенья одной цепи. Обоснуем.

Новый закон оставляет в РФ две кассационные инстанции — президиум суда субъекта федерации, окружного (флотского) военного суда, Судебную и Военную коллегии Верховного Суда РФ и одну надзорную — Президиум Верховного Суда РФ, то есть те структурные подразделения судебной системы, которые сегодня выполняют надзорные полномочия.

Кассационный порядок рассмотрения уголовного дела анализируемым законом создан по образцу и подобию ныне действующего надзорного производства: жалоба, представление рассматриваются в два этапа — судьей, который вправе отказать в передаче жалобы, представления суду, правомочному пересматривать приговор, и собственно судом кассационной (надзорной) инстанции (при этом в лице кассации мы имеем значительно худший, чем сегодня, надзорный вариант пересмотра вступившего в законную силу решения).

Закон допускает возможность пересмотра части судебных актов, вступивших в законную силу, только один раз — в порядке кассации или в порядке надзора, считая, очевидно, это достаточной гарантией права на исправление судебной ошибки. Так, приговор суда субъекта федерации, окружного (флотского) военного суда, если он был обжалован в апелляционном порядке, не подлежит кассационному обжалованию, поскольку апелляционная ин-

станция для действующего в качестве суда первой инстанции такого суда является и кассационной инстанцией. Такой приговор может быть обжалован только в порядке надзора (п. 1, 2 ч. 3 ст. 412.1). Таким образом, реализация лицом, осужденным за наиболее тяжкие преступления, подсудные суду субъекта федерации, права на апелляцию автоматически означает ограничение права на пересмотр приговора, вступившего в законную силу.

В то же время выясняется, что апелляционный приговор, вынесенный Судебной коллегией Верховного Суда РФ, в порядке надзора, согласно ст. 412.1, обжалованию не подлежит. Во-первых, в числе подлежащих обжалованию названы только определения, вынесенные этой коллегией в апелляционном порядке, во-вторых, в ст. 5 четко разграничены понятия «приговор» и «определение» (п. 23).

Такое правовое регулирование тем более нелогично, что судебные акты мировых судей и районных судов после вступления в законную силу могут быть кассированы дважды.

Некоторые огрехи законодателя и вовсе неприличны. Ну как можно было написать в ч. 1 ст. 401.15, а также в ст. 412.9, что основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке и в порядке надзора «являются **существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона**, повлиявшие на исход дела»? Разве не очевидно, что **нарушение уголовного закона** — это **преступление**? Применены же в этом законе иные, более грамотные формулировки, например: «При рассмотрении уголовного дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда Российской Федерации проверяет **правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального законов** нижестоящими судами, рассматривавшими дело (ч. 1 ст. 412.12).

Перечень претензий к закону № 433-ФЗ, конечно же, изложенным не исчерпывается. Закон рождает множество вопросов, на которые найти четкий ответ для правоприменителя может оказаться непосильной задачей. Какими нарушениями обусловлено право кассации изменить назначенное приговором наказание, если проверка справедливости приговора не входит в пределы прав суда кассационной инстанции? Как понимать ст. 401.16, согласно которой «Суд кассационной инстанции не связан доводами кассационных жалобы или представления и вправе проверить производство по уголовному делу **в полном объеме**», если пределы кассации **ограничены законностью приговора**? Что означает право Пре-

зидиума Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора в интересах законности выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления и рассмотреть уголовное дело в полном объеме, в том числе в отношении лиц, которые не обжаловали судебные решения в порядке надзора (ст. 412.12)? Значит ли это, что надзорная инстанция вправе пересматривать приговор и за пределами представления прокурора по мотивам, ухудшающим положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого прекращено уголовное дело, даже если об этом не ставился вопрос в представлении прокурора? Действительно ли законодатель предусматривает возможность поворота к худшему по инициативе самого суда, т. е. отмену принципа состязательности? И так далее.

Или все-таки можно еще надеяться, что все отмеченное — просто результат несовершенства законодательной техники и законодатель сумеет внести в закон необходимые и внятные поправки до вступления его в действие?

*М.М. Шейфер**

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЕ И ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Представления о врачебной тайне и об ответственности за ее разглашение менялись на протяжении различных исторических этапов развития общества и государства. Одно из первых упоминаний о врачебной тайне мы находим у знаменитого древнегреческого врача Гиппократата. В «Гиппократовом корпусе», составленном между 430 и 330 г. до н. э., содержится обязанность по сохранению врачебной тайны: «Что бы при лечении, а также вне лечения, я ни увидел и ни услышал касательно жизни людей такого, чего болтать не следует, о том я умолчу, считая все это постыдным для разглашения»¹. Между тем, несмотря на то что обязательство о сохранении врачебной тайны содержалось в «клятве Гиппократата», юридическая ответственность за нарушение этого обещания длительное время отсутствовала.

* © Шейфер М.М., 2012

Шейфер Марина Михайловна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета